

УДК 882-1Костров

doi: 10.25730/VSU.2070.18.027

Феномен Е. И. Кострова*

А. Г. Маслова

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров.

ORCID: 0000-0002-9118-2983. E-mail: usr11021@vyatsu.ru

Аннотация. В статье исследуется феномен поэта XVIII в. Е. И. Кострова. Актуальность исследования обусловлена обострением внимания современной гуманитарной науки к феноменальным явлениям культуры, таким как феномен «забытого гения». Феноменологический подход позволяет осмыслить неоднозначные и самые противоречивые факты литературного процесса. В статье доказывается, что поэзия Е. И. Кострова занимала особое место и повлияла на дальнейшее развитие русской литературы. Уникальность Е. И. Кострова состоит в том, что поэт родом из провинции достиг славы «российского Гомера», обладал самобытным талантом, чувствовал вкусы своих современников, способствовал утверждению в русской литературе романтической поэтики, был признан выдающимся поэтом, свидетельства о его чудачествах сохранились в многочисленных легендах и анекдотах. Парадокс состоит в том, что в истории русской литературы он оказался в ряду второстепенных поэтов, а исследователи редко обращались к анализу его творчества. Автор статьи утверждает, что подобная ситуация связана с необъективным отношением литературоведов XIX и XX столетия к русской литературе XVIII в. В статье подчеркивается самобытность дарования Е. И. Кострова, выявляется оригинальная позиция поэта в литературном процессе последней трети XVIII столетия. Е. И. Костров мог экспериментировать, чувствовать новые тенденции, удовлетворять вкусам публики и одновременно дистанцироваться от «толпы». Но все это не стало поводом для отказа от поэтики классицизма, хотя в эпоху последней трети XVIII столетия противопоставлять себя признанным авторитетам стало общепринятым явлением. Автор статьи приходит к выводу, что Кострову свойственно «этикетное смирение» перед классиками, которые оставались для него образцом высокого служения искусству и отечеству, и этим определяется феномен его эстетической позиции в литературном процессе эпохи последней трети XVIII в.

Ключевые слова: русская поэзия XVIII в., классицизм, феноменология литературного процесса, феномен поэта, диалог культур.

Одним из перспективных подходов к изучению истории русской литературы в современной гуманитарной науке является феноменологический подход, позволяющий осмыслить неоднозначные и самые противоречивые явления литературного процесса. Такой подход предлагается, например, учеными А. Н. Пашкуровым и А. И. Разживиным при анализе русской литературы XVIII в. [см. 12]. К феноменальным явлениям культуры можно отнести феномен «забытого гения». В своем исследовании мы обращаемся к личности и творчеству одного из таких поэтов, Е. И. Кострова, уроженца Вятской земли, творческая судьба которого воспринимается скорее как легенда благодаря закрепившейся за ним славе добрейшего и остроумного чудака. Современники же считали его великим поэтом, называли «российским Гомером», А. В. Суворов не расставался с переведенным Костровым сборником «Песен Оссиана», М. М. Херасков предпочитал талант Кострова своему собственному, А. С. Пушкин называл имя первого переводчика Гомера в ряду крупнейших литературных деятелей XVIII столетия: «Ломоносов, Херасков, Державин и Костров успели уже обработать наш стихотворный язык» [13, с. 216]. Впоследствии, однако, Е. И. Костров оказался в ряду поэтов второго и даже третьего ряда, и среди современных знатоков литературы найдутся лишь единицы, имеющие хотя бы поверхностное представление о его творчестве. Чем можно объяснить такой парадокс?

Обращаясь к осмыслению феномена нашего земляка Е. И. Кострова, мы сталкиваемся чаще с вопросами, чем с ответами. Среди этих вопросов ключевыми могли бы стать, на наш взгляд, следующие:

1. Почему труды Е. И. Кострова как переводчика, столь значимые в XVIII в., оказались впоследствии практически не востребованы?

2. Почему Е. И. Костров, чутко улавливавший эстетические веяния времени, талантливый и самобытный, переживший «творческую эволюцию, отразившую основные этапы раз-

вития русской литературной культуры второй половины XVIII века» [3, с. 462], не встал в один ряд с теми поэтами, которые определяли движение русской поэзии этого времени (имеются в виду такие яркие фигуры эпохи, как Державин и Карамзин)? Или такое отношение к Кострову – лишь временное «заблуждение» истории, еще один «анекдот», случившийся с чудаком Ермилом Костровым?

Цель данного исследования – обозначить проблемы, связанные с осмыслением самобытности личности и творчества Е. И. Кострова, и определить индивидуально-авторскую позицию поэта в литературном процессе последней трети XVIII в.

Есть несколько моментов в творческой биографии Е. И. Кострова, которые, по мнению исследователей, вызывают удивление. Так, современные вятские ученые В. А. Поздеев и Л. Н. Лузянина замечают в своей работе, что сын дьячка Е. И. Костров, выходец из северного уезда Вятской губернии, испытавший с детства все тяготы сиротской, почти нищенской жизни, «по своему социальному статусу... казалось бы, должен был стать представителем так называемой “третьей культуры” в ее семинаристском варианте, а затем стал бы представителем сельского духовенства» [8, с. 174]. Однако самобытный талант вятского семинариста позволил ему стать студентом Московского университета, а впоследствии обрести славу истинного стихотворца. Он как поэт получил признание своих современников и ближайших потомков. О значимости поэзии Е. И. Кострова в начале XIX в. свидетельствует хотя бы тот факт, что в 1802 г. было издано двухтомное «Полное собрание...» его сочинений. Попутно заметим, что с этим собранием сочинений Кострова связано одно из многочисленных заблуждений. Двухтомник назван издателями «Полным собранием сочинений г. Кострова» [6], но на самом деле это вовсе не полное собрание произведений поэта. Ошибка первых издателей была повторена в 1849 г., когда А. Ф. Смирдин переиздает сочинения Е. И. Кострова в «Полном собрании сочинений русских авторов» [см. 14]. Список не вошедших в эти издания текстов мы можем найти в книге П. О. Морозова «Е. И. Костров. Его жизнь и литературная деятельность» [10, с. 83–94]. По-настоящему полного собрания сочинений Е. И. Кострова нет до сих пор.

Странность творческой биографии уроженца далекой северной провинции проявилась и в том, что, будучи известным поэтом конца XVIII – начала XIX в., Е. И. Костров впоследствии оказался на периферии литературного процесса, интересовалась этим автором и его творчеством лишь небольшая группа исследователей и читателей. Во многом это может объясняться отношением литературоведов XIX–XX вв. к русской словесности XVIII в. в целом, которая объявлялась, с одной стороны, вторичной, подражательной (в XIX в.), а с другой – придворной, поддерживающей интересы монархов, а не народа, и потому не достойной внимания (в советскую эпоху). Сейчас, в XXI в., свободном от догматического отношения к искусству, поставившем вновь во главу угла незыблемые нравственные ценности, всегда утверждавшиеся в русской литературе, наступило время пересмотра сложившихся оценок. Мы становимся свидетелями возвращения устойчивого интереса к культуре XVIII в. в целом и к творчеству Е. И. Кострова в частности.

Еще один факт, связанный с творческой биографией Кострова, – отсутствие архивного наследия поэта, которое могло бы пролить свет на некоторые «темные» места его жизни, открыть какие-то новые стороны его таланта. Вот один из примеров таких «темных мест». Известно, что Е. И. Костров общался с виднейшими деятелями своей эпохи: он переписывался с А. В. Суворовым, которому посвятил перевод песен Оссиана, некоторое время жил в доме известного мецената И. И. Шувалова, какое-то время прожил и в доме директора Московского университета, автора «бессмертной Россияды» М. М. Хераскова, был приглашен на обед к светлейшему князю Г. А. Потемкину. Но очень загадочным оказывается тот факт, что не сохранилось никаких свидетельств о взаимоотношениях нашего земляка с известным просветителем того времени Н. И. Новиковым, который вел активнейшую издательскую деятельность при типографии Московского университета с 1779 г., то есть как раз тогда, когда Костров был утвержден в должности стихотворца этого учебного заведения. Один из фактов свидетельствует, что Костров был знаком с Новиковым: так, считается, что «Золотой осел» Апулея был переведен Костровым в 1780–1781 гг. по просьбе Н. И. Новикова, «в кружке Новикова книгу Апулея понимали как сочинение мистико-аллегорическое» [16]. Возможно, с Новиковым и его кружком, как отмечает автор биографической справки о Кострове А. Б. Шишкин, Костров сошелся через М. М. Хераскова [16]. Следует уточнить, о каком кружке Новикова идет речь. Известно, что Н. И. Новиков совместно с назначенным в 1779 г. профессором Московского университета по кафедре философии Иоганном Георгом Шварцем увлекался идеями

масонства, по инициативе Новикова в московской типографии издавались журналы масонского содержания. Тесно связан с масонами был и М. М. Херасков, которому Костров посвятил несколько стихотворений. Н. И. Новиков совместно с И. Г. Шварцем были организаторами в Москве мистической масонской ложи розенкрейцеров «Гармония». Какую позицию по отношению к этому мистическому течению занимал наш земляк? Участвовал ли он вообще в каких-либо философских и эстетических спорах, связанных с духовными проблемами, волнующими масонов? Был ли знаком Костров с содержанием журналов масонского толка «Утренний свет» (1779–1782), «Свободные часы» (1783), «Покоящийся трудолюбец» (1784), выпускавшихся в типографии Московского университета? И если да, что, как нам кажется, ближе к истине, то как это сказалось на его творчестве?

Еще один момент, на который хотелось бы обратить внимание в связи с выделением «загадок», образовавшихся вокруг Е. И. Кострова. Почему в его поэзии не звучит тема, актуальная для поэтов всех эпох, – тема осмысления собственного творчества? Почему не заявляет он своих «претензий» на бессмертие, подобно Державину или Горацию? Почему в период, когда в поэзию проникает индивидуальное чувство, личность стихотворца, Костров не позволяет себе нарушить классицистические традиции в создании образа автора? Личное авторское «я» проявляется в его творчестве лишь опосредованно. Что это – дань традиции классицистической поэзии, не допускавшей индивидуальную эмоцию и рефлексии в поэтический текст, или скромность, смиренная позиция автора, объясняющаяся его зависимым положением в среде окружавших его представителей дворянства? Поэзия Кострова почти не дает нам знаний об особенностях его личности и характера. Все это мы узнаем в основном из разных свидетельств анекдотического плана: о чудачествах, способности к состраданию, добром сердце, любви к свободе, чувстве справедливости.

Появление всех этих вопросов свидетельствует о том, что проблема «феномен Кострова» действительно существует и ждет детальной разработки.

В результате возникает главный вопрос: каково же все-таки место Е. И. Кострова в русском литературном процессе? Что нового он внес в литературу? Что позволяет ему занять достойное место в ряду первых поэтов русской словесности?

Ермил Иванович Костров – поэт «блестящей» екатерининской эпохи. Творчество его приходится на 1770–1790-е гг. Е. И. Костров начинает свой творческий путь как ученик М. В. Ломоносова, затем усваивает творческие принципы М. М. Хераскова и духовно-нравственные концепции масонской антропологии, отразившейся в поэзии журналов, издаваемых Н. И. Новиковым в типографии Московского университета, впоследствии ориентируется на открытия Г. Р. Державина, в 80-е гг. начинает создавать «легкую» поэзию в духе сентиментализма, в конце 1780-х – начале 1790-х гг. открывает для себя и для всей русской литературы Оссиана, способствуя зарождению на русской почве нового романтического взгляда на природу и человека. В этом смысле Костров является знаковой фигурой своего времени, творчество его оказывается вовсе не на периферии, а в самом центре художественных исканий эпохи. Его творческую самобытность, на наш взгляд, определяет тесная связь поэзии Е. И. Кострова с глубинными традициями мировой литературы, обусловленная энциклопедической литературной эрудицией поэта. Костров знал древнегреческий и латинский языки, переводил произведения с французского языка, с юности усвоил духовные основы православной этики и свободно использовал в своих светских произведениях сюжеты и образы Библии, чутко улавливал все новые веяния и откликался на них в своей поэзии.

Его уникальное место в истории русской литературы должно определяться тем, что благодаря Кострову, вступающему в своем творчестве в диалог с предшественниками и современниками, явления «чужой» литературы становились «своими», усваивались русской литературой и развивались в последующие периоды. В этом отношении важным направлением современных исследований творчества Е. И. Кострова может стать системное изучение переводческой деятельности поэта и влияния этих переводов на русский литературный процесс.

Е. И. Костров является создателем русских переводов «Тактики» Вольтера, «Золотого осли» Апулея, «Илиады» Гомера (первые шесть песен были опубликованы в 1787 г.), поэмы «Эльвирь» и повести «Зенотемис» француза Бакюлара Д-Арно, «гальских стихотворений» Джеймса Макферсона (с фр. перевода П. Летурнера) «Оссиан, сын Фингалов, бард третьего века», «Молитвы» из сочинений Александра Поупа, стихотворения «Путь жизни», которое также соотносится с именем А. Поупа. Как видим, спектр переводческих сочинений широк и многообразен: это и античные поэты, и поэты XVIII в. из Франции, Англии, Шотландии.

В отечественной науке рассмотрены особенности отдельных наиболее значимых переводов. Разделы о костровских переводах присутствуют в монографиях А. Н. Егунова «Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков» [4] и Ю. Д. Левина «Оссиан в русской литературе» [7]. Перевод «Илиады» Костровым выполнен александрийским стихом. Как отмечают Л. А. Ольшевская и С. Н. Травников, «высокий стиль, архаизированный синтаксис, обилие славянизмов связывают это сочинение с литературной традицией классицизма <...> Костров не ставит перед собой задачи передать звучание гомеровского эпоса, он интерпретировал текст в духе “осямнадцатого столетия”, поэтому античные герои стали напоминать персонажей классицистических трагедий и эпоей и одновременно екатерининских вельмож» [11, с. 92]. Именно благодаря такой установке Кострова его Гомер был принят «со всеобщим рукоплесканием» и вызвал восторженную рецензию друга Кострова писателя Ф. О. Туманского [см. 15]. О переводе оссианических песен Г. А. Гуковский писал: «...Кострову удалось передать романтический колорит, сумрачную поэзию, эмоциональную напряженность Оссиана, его суровую энергию. Его перевод явился крупной победой предромантизма в русской литературе» [3, с. 471]. Перевод «Золотого осла» Апулея оставался единственным в России вплоть до начала XX в. Е. И. Костров, как пишет А. Б. Шишкин, «ставил себе задачу воспроизвести художественный стиль оригинала в филологически точном переводе. Удачей К. был легкий и “галантный” слог перевода, в совершенстве передающий живые оттенки авантюрного повествования Апулея» [16]. Об искусности костровского перевода «Тактики» Вольтера пишет П. Р. Заборов [5, с. 54].

Как можно убедиться, по отдельности многие из переводов Е. И. Кострова рассмотрены, но нет общей картины. Главная особенность переводов Е. И. Кострова – не прямое следование оригиналу, а поиск ритмических и стилистических средств, способных передать атмосферу первичного текста, или, как в случае с гомеровским эпосом, сделать близким читателю тот художественный мир, который создавался изначально автором. Благодаря такому подходу переводы Кострова сразу же становились популярными, мировые образы, сюжеты и мотивы активно осваивались современниками, утверждаясь в пространстве русской культуры. Наиболее показательный пример – интерес к оссианическому эпосу, предопределивший развитие интереса к национальной истории и собственной древности, с одной стороны, и способствовавший утверждению романтической поэтики в литературе – с другой.

Огромную роль в поэзии Е. И. Кострова играют античные образы. Можно отметить, что в обильном употреблении античных имен собственных в одах поэт следует сложившейся в русском классицизме традиции, однако на этом пути Кострову удалось сказать свое слово. Так, в его одах постоянно присутствует образ Московского Парнаса, то есть, используя традиционное мифологическое наименование горы, являющейся местом обитания муз, Костров применяет его для обозначения конкретного географического пространства – Московского университета. Безусловно, географическая конкретизация традиционного мифологического образа является новаторством Е. И. Кострова, подчеркнувшего особую, отличную от любого другого места, в том числе и от Петербурга, творческую среду, сформировавшуюся в 70–80-е гг. XVIII в. в Москве.

Другой античный образ, также появившийся уже в первых печатных одах Кострова, – образ Гомера. Именно с этим античным поэтом нередко соотносит себя Костров, не считая возможным соперничать с ним в искусстве витийства: «Трубу Гомеровой гортани / Судьбой мне не дано иметь» [6, с. 53]. Эти строки звучат в «Оде на день рождения ея императорского величества Екатерины II, апреля 21 дня, 1781 года». Соотнесение собственного искусства с непревзойденным мастерством великого Гомера оказалось для Е. И. Кострова далеко не случайным, ведь именно Кострова, создавшего блестящий перевод первых шести песен «Илиады» (костровский перевод следующих песен станет известен уже после смерти автора), современники назовут «российским Гомером». Переключки и параллели с Гомером – особое средство самовыражения поэта в своем творчестве. Так, адресуя свой перевод первых шести песен «Илиады» Екатерине Великой, Костров в поэтическом посвящении упоминает о судьбе греческого певца:

В теченьи дней своих воспитанник сей Феба
Едва ли не лишен насущного был хлеба.
Нисшед во гроб, он стал достоин алтарей,
Был удивлением народов и царей [6, т. 2, с. 1].

В этом посвящении звучит намек на собственное безвестное и полунищенское существование, в приведенных строках слышится редкая для поэзии XVIII в. интонация исповедальности и горечи: ведь судьба греческого певца отражает судьбу большинства поэтов, в том числе и самого Кострова.

Говоря о характерном для поэтики Е. И. Кострова диалоге времен, необходимо отметить и широкое использование библеизмов в его творчестве, на что указывали многие исследователи. Г. А. Гуковский, например, отмечал: «Костров насыщает свои ранние оды славянизмами и всевозможными “библеизмами”, образами, выражениями, мотивами Библии, иногда нарочито архаического и притом величественного звучания» [3, с. 466]. К. Г. Бронников, выявляя своеобразие Е. И. Кострова, подчеркивает, что «поэт расширяет арсенал ломоносовских приемов, усложняет образность одического языка, увеличивает количество “библеизмов”, образов и мотивов Библии, добиваясь нового звучания русской оды» [2, с. 27]. М. Г. Альтшуллер, подчеркивая частое обращение Е. И. Кострова к библейской тематике и образности в одическом творчестве, пишет: «Обычно одописцы использовали античную мифологию, оставляя библейские мотивы для другого жанра – переложений псалмов» [1, с. 65], Костров же свободно вводит эти образы в оду. Стоит, однако, отметить, что, несмотря на регулярное выделение этой характерной особенности одической поэзии Кострова, эта проблема до сих пор еще детально не изучена, библейские мотивы в творчестве Кострова еще не становились предметом исследовательского внимания.

Есть целый ряд фактов, которые свидетельствуют об оригинальности подхода Кострова к тем открытиям, которые утверждались в русской поэзии в 1770–1790-е гг. Мы считаем необходимым опровергнуть тезисы, выдвинутые авторитетным ученым Г. А. Гуковским, определившим дарование Кострова как второстепенное, подчеркнувшим, что Ермил Иванович Костров выразил в своем творческом пути литературные процессы 1770–1780-х гг. «типически», что «он не смог подняться до чувства народного самосознания гениального крестьянина Ломоносова и подчинился культурно-идеологическому воздействию дворянской литературы» [3, с. 462].

Обозначив выше оригинальность в использовании античных и библейских образов, назовем еще ряд убедительных свидетельств самобытности дарования Е. И. Кострова. Обратим внимание на первое произведение выпускника Вятской духовной семинарии, созданное в 1773 г. и адресованное архимандриту московского Новоспасского монастыря Иоанну. Юный Костров, преподнося оду своему влиятельному земляку, рассчитывал на поддержку, однако юношеские стихи Е. И. Кострова не вписываются в корпус широко распространенных «угодных» похвальных текстов «подносителей», чающих получить вознаграждение от адресатов. Это стихи новаторские и экспериментальные. Юный поэт не идет по пути создания хвалебной оды, не льстит адресату. Е. И. Костров передает свои личные переживания и чаяния, размышляет о злом роке, о науках, дающих блаженство, о натуре человека, о путях, по которым может пойти человек, чтобы обрести славу. Форма оды позволяет автору свободно переходить от одной темы к другой, вести свободный диалог не только со своим адресатом, но и со своей душой. Примечательна смелость начинающего провинциального поэта, не побоявшегося в утвердившуюся в русской торжественной поэзии десятистрочную одическую строфу вложить совсем не характерное для этой формы содержание. Канон высокой оды приспособляется Костровым для изображения постигших его испытаний, а в судьбе лирического героя стихотворения отражается судьба многих бедных молодых людей из далеких уголков России, стремящихся получить образование и вынужденных полагаться на защиту и покровительство меценатов. В произведении мы видим переплетение элегических мотивов, нравственно-философских размышлений и похвальных строф. Это одновременно и ода, и послание, и автобиографическое стихотворение, и философская лирика. Мы бы определили это произведение как «смешанную» оду, но совсем иного типа, чем державинская, и появилась эта ода задолго до державинских оды-элегии «На смерть князя Мещерского» и оды-сатиры «Фелица» [см. об этом подробнее: 9].

Отмечая дальнейшую эволюцию поэзии Е. И. Кострова, мы заметим, что эти юношеские эксперименты не будут по какой-то причине продолжены поэтом. Наблюдая за тем, как Е. И. Костров осваивал в своем творчестве те или иные открытия своих современников, мы увидим, что он никогда не идет по пути разрушения классицистической поэтики. Так, анализируя функционирование природных образов в его поэзии, мы заметили, что, следуя общему

движению литературы от риторической культуры к индивидуально-авторскому мировидению, Костров, начиная с 1780-х г., все чаще вводит в условные классицистические пейзажи отдельные детали, придающие картинам природы пластичность и живописность. В ряде случаев Костров демонстрирует свое умение замечать малейшие изменения природного мира, отражая присутствующее в душе человека естественное «чувство природы». Но даже в его «легких» стихотворениях, ориентированных на новые сентиментальные веяния, природа не получает статуса самостоятельного образа и остается символом или аллегорией, призванными выразить те или иные «всеобщие» переживания. Это кажется весьма странным на фоне тех открытий в области изображения природы, которые совершаются в этот период. На наш взгляд, это можно рассматривать как особую эстетическую позицию. Можно отметить намеренную «невстраиваемость» Е. И. Кострова в общее движение литературы от риторической культуры к свободному проявлению индивидуально-авторского начала в творчестве. Это вовсе не говорит о «нечеткости» поэта к переменам. О самобытности и новаторском характере его таланта свидетельствует его первое произведение. Мы знаем, что Костров тонко воспринимал все открытия своих современников и ценился как поэт, чутко улавливающий вкусы читающей публики. Об этом свидетельствуют и его отклик на «Фелицу» Г. Р. Державина, и его обращение к оссиановскому эпосу, и его перевод «Илиады» Гомера, соответствующий вкусам современников. На наш взгляд, это стоит рассматривать как индивидуально-авторскую позицию в период перемен, как сознательное следование поэта «своему» пути, как скромное смирение перед классической эстетикой, которая оставалась для Кострова образцом высокого служения искусству и отечеству.

Подводя итог размышлениям о феномене Е. И. Кострова, наметим перспективы дальнейших исследований. Важным направлением мы считаем углубление изучения диалога культур в творчестве Кострова. Перспективным видится выявление в его поэзии художественной интерпретации мировых образов и сюжетов Священной истории, а также изучение произведений, в которых поэт обращается к жанрам и темам, разрабатываемым античными и западноевропейскими авторами. Следует обозначить такие особенности, которые поэт вносит в разработку классических жанров и вечных мировых тем, рассмотреть, как его открытия развиваются в дальнейшем, в творчестве русских поэтов последующих эпох.

Список литературы

1. *Альтшуллер М. Г.* В тени Державина: Литературные портреты. СПб. : Изд-во «Пушкинский Дом», 2014. 616 с.
2. *Бронников К. Г.* Поэт осмнадцатого столетия. Творческий путь Е. И. Кострова. М. : Прометей 1997. 80 с.
3. *Гуковский Г. А.* Костров // История русской литературы : в 10 т. / АН СССР. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941–1956. Т. IV: Литература XVIII века. Ч. 2. 1947. С. 462–472. Электронная публикация: ФЭБ. URL: <http://feb-web.ru/feb/irl/il0/il4/il4-4622.htm> (дата обращения 07.10.2018).
4. *Егунов А. Н.* Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. М. : Индрик, 2001. 397 с.
5. *Заборов П. Р.* Русская литература и Вольтер: XVIII – первая треть XIX в. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. 205 с.
6. *Костров Е. И.* Полное собрание всех сочинений и переводов в стихах г. Кострова : в 2 т. СПб., 1802. Т. 2. С. 1.
7. *Левин Ю. Д.* Оссиан в русской литературе (конец XVIII – первая треть XIX века). Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. 246 с.
8. *Лузянина Л. Н., Поздеев В. А.* Личность и творчество Е. И. Кострова в литературном сознании (конец XVIII – первая половина XIX века) // Феномен Вятской земли в отечественной литературе. Киров : ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013. С. 174–181.
9. *Маслова А. Г.* Отражение судьбы провинциального семинариста в «Стихах архимандриту Иоанну» Е. И. Кострова // Российская провинция как социокультурное поле формирования гражданской и национальной идентичности : сб. науч. ст. : материалы VIII Междунар. Стахеевских чтений. Елабуга, 16–17 ноября 2017 г. Елабуга, 2017. С. 184–187.
10. *Морозов П. О.* Е. И. Костров. Его жизнь и литературная деятельность. Воронеж: В тип. Губ. Правления, 1876. 107 с.
11. *Ольшевская Л. А., Травников С. Н.* Костров // Русские писатели, XVIII век : биобиблиогр. словарь. М. : Просвещение, 2002. С. 91–93.
12. *Пашкуров А. Н., Разживин А. И.* История русской литературы XVIII века : в 2 ч. М. : ФЛИНТА : Наука, 2017. Ч. 1. 408 с. ; Ч. 2. 536 с.
13. *Пушкин А. С.* Александр Радищев // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. М. : Худож. лит., 1962. Т. 6. С. 210–221.

14. Сочинения Кострова. СПб. : А. Смирдин, 1849. 501 с. (Полное собрание сочинений русских авторов).

15. Туманский Ф. В. [Рецензия на перевод Е. И. Кострова поэмы Гомера «Илиада»] // Зеркало света. 1787. Ч. IV. С. 251–257.

16. Шишкин А. Б. Костров // Словарь русских писателей XVIII века. URL: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?> (дата обращения 18.10.2018).

E. I. Kostrov's Phenomenon

A. G. Maslova

Doctor of philological sciences, associate professor, professor of the Department of Russian and foreign literature and teaching methods, Vyatka State University. Russia, Kirov.

ORCID: 0000-0002-9118-2983. E-mail: usr11021@vyatsu.ru

Abstract. The article examines the phenomenon of E. I. Kostrov, the XVIIIth century poet. The relevance of the study is due to the increased attention of modern humanities to cultural phenomena, such as the phenomenon of the «forgotten genius». The phenomenological approach allows to comprehend the ambiguous and most controversial facts of the literary process. The article proves that E. I. Kostrov's poetry took a special place and influenced the further development of Russian literature. The uniqueness of E.I. Kostrov is that the poet came from province to achieve the glory of "Russian Homer", had an original talent, felt his contemporaries' tastes, contributed to strengthening romantic poetics in Russian literature, was recognized as an outstanding poet, numerous legends and anecdotes preserved his eccentricity. The paradox is that in the history of Russian literature he was among the minor poets, and researchers rarely turned to the analysis of his works. The author of the article argues that this situation is connected with the biased attitude of the XIXth and XXth centuries' literary critics to Russian literature of the XVIIIth century. The article emphasizes the originality of E. I. Kostrov's talent, reveals the poet's original position in the literary process of the last third of the XVIIIth century. E. I. Kostrov could experiment, feel new trends, satisfy the tastes of the public and at the same time distance himself from the «crowd». But all this did not result in abandoning classicism poetics, although in the epoch of the last third of the XVIIIth century it became a generally accepted phenomenon to oppose oneself to recognized authorities. The author of the article comes to the conclusion that Kostrov is characterized by «etiquette humility» before the classics, who remained for him a model of high service to art and the fatherland, and this determines the phenomenon of his aesthetic position in the literary process of the last third of the XVIIIth century.

Keywords: Russian poetry of the XVIIIth century, classicism, phenomenology of the literary process, the phenomenon of the poet, dialogue of cultures.

References

1. Al'tshuller M. G. *V teni Derzhavina: Literaturnye portrety* [In the shadow of Derzhavin: Literary portraits]. SPb. Publishing house «Pushkin House». 2014. 616 p.
2. Bronnikov K. G. *Poeht os'mnadcatogo stoletiya. Tvorcheskij put' E. I. Kostrova* [Poet of the eighteenth century. Creative way of E. I. Kostrov]. M. Prometheus 1997. 80 p.
3. Gukovskij G. A. *Kostrov* [Kostrov] // *Istoriya russkoj literatury : v 10 t.* – History of Russian literature: in 10 volumes / USSR Academy of Sciences. M.; L. Publishing house of the USSR Academy of Sciences. 1941–1956. Vol. IV: Literature of the XVIII century. Part 2. 1947. Pp. 462–472. Electronic publication: Fundamental Electronical Library. Available at: <http://feb-web.ru/feb/irl/il0/il4/il4-4622.htm> (accessed 07.10.2018).
4. Egunov A. N. *Gomer v russkih perevodah XVIII–XIX vekov* [Homer in Russian translations of XVIII–XIX centuries]. M. Indrik. 2001. 397 p.
5. Zaborov P. R. *Russkaya literatura i Vol'ter: XVIII – pervaya tret' XIX v* [Russian literature and Voltaire: XVIII – first third XIX]. L. Nauka. Leningr. dep. 1980. 205 p.
6. Kostrov E. I. *Polnoe sobranie vseh sochinenij i perevodov v stihah g. Kostrova: v 2 t.* [Complete collection of all writings and translations in verse of Kostrov: in 2 vol.]. SPb. 1802. Vol. 2. P. 1.
7. Levin YU. D. *Ossian v russkoj literature (konec XVIII – pervaya tret' XIX veka)* [Ossian in Russian literature (end of XVIII – first third of XIX century)]. L. Nauka. Leningr. dep. 1978. 246 p.
8. Luzyanina L. N., Pozdeev V. A. *Lichnost' i tvorchestvo E. I. Kostrova v literaturnom soznanii (konec XVIII – pervaya polovina XIX veka)* [Personality and creativity of E. I. Kostrov in the literary consciousness (the end of the XVIII-the first half of the XIX century)] // *Fenomen Vyatskoj zemli v otechestvennoj literature – The phenomenon of Vyatka land in Russian literature*. Kirov. LLC «Raduga PRESS». 2013. Pp. 174–181.
9. Maslova A. G. *Otrazhenie sud'by provincial'nogo seminarista v «Stihah arhimandritu Ioannu» E. I. Kostrova* [Reflection of the fate of the provincial seminarian in the "Poems to Archimandrite John" by Kostrov E. I.] // *Rossijskaya provinciya kak sociokul'turnoe pole formirovaniya grazhdanskoj i nacional'noj iden-*

tichnosti: sb. nauch. st.: materialy VIII Mezhdunar. Staheevskih chtenij – Russian province as a sociocultural field of formation of civil and national identity: collection of scientific articles: materials of VIII Intern. Staheev readings. Elabuga, 16–17 November 2017. Elabuga. 2017. Pp. 184–187.

10. Morozov P. O. E. I. Kostrov. *Ego zhizn' i literaturnaya deyatel'nost'* [E. I. Kostrov. His life and literary activity]. Voronezh. Typ. of Guberniya Board. 1876. 107 p.

11. Ol'shevskaya L. A., Travnikov S. N. Kostrov [Kostrov] // *Russkie pisateli, XVIII vek : biobibliogr. slovar'* – Russian writers of the XVIII century: bibliogr. dictionary. M. Prosveshcheniye. 2002. Pp. 91–93.

12. Pashkurov A. N., Razzhivin A. I. *Istoriya russkoj literatury XVIII veka: v 2 ch.* [History of Russian literature of the XVIII century: in 2 pts.] M. Flinta: Nauka. 2017. Part 1. 408 p.; Part 2. 536 p.

13. Pushkin A. S. *Aleksandr Radishchev* [Aleksandr Radishchev] // *Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: v 10 t.* [Full coll. of works: in 10 volumes]. M. Khudozh. lit. 1962. Vol.6. Pp. 210–221.

14. *Sochineniya Kostrova. SPb. A. Smirdin, 1849. 501 s. (Polnoe sobranie sochinenij russkikh avtorov)*-Kostrov's Works. SPb. A. Smirdin, 1849. 501 p. (Complete works of Russian authors).

15. Tumanskij F. V. [Recenziya na perevod E. I. Kostrova poehmy Gomera «Iliada»] [Review of the E. I. Kostrov's translation of poem by Homer «Iliad»] // *Zerkalo sveta* – Mirror of the world. 1787. Part IV. Pp. 251–257.

16. SHishkin A. B. Kostrov [Kostrov] // *Slovar' russkikh pisatelej XVIII veka* – Dictionary of Russian writers of the XVIII century. Available at: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?> (accessed 18.10.2018).